

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от 27 марта
1975 г.

г. Москва

ИЗ ЕГО КВАРТИРЫ НА ДЕСЯТОМ ЭТАЖЕ ХОРОШО ВИДЕН ЗООПАРК. ЗА ОКНОМ НАЧАЛО ВЕСНЫ. ВОТ-ВОТ ВСКРОЕТСЯ ЗАСТЫВШИЙ ОТ ЗИМНИХ ХОЛОДОВ ЗООПАРКОВСКИЙ ПРУД. ЕСЛИ ОТКРЫТЬ ФОРТОЧКУ, РЕБЯЧЬИ ГОЛОСА, ПОДХВАЧЕННЫЕ ВЕСЕЛЫМ ПТИЧИМ ГОМОНОМ, ВРЫВАЮТСЯ В КВАРТИРУ ВМЕСТЕ С ПЕРВЫМИ ЛУЧАМИ ПРИГРЕВАЮЩЕГО СОЛНЫШКА. «ВЕСНА-А-А, — ТИХО, НАРАСПЕВ ГОВОРИТ ХОЗЯИН ДОМА. — НАСТОЯЩАЯ ВЕСНА...»

Он такой же, как на экране. Стройная, по-спортивному подтянутая фигура, характерный, несколько глуховатый голос. Спокойный, уверенный жест. В глазах, охваченных паутинкой морщин, притаилась улыбка, та самая знаменитая жженновская улыбка, которую мы хорошо знаем.

Не стану скрывать, к встрече с актером я готовился. Словом, просматривая различные материалы о Георгии Степановиче Жженове, я выяснил, что он — коренной ленинградец, родился и вырос в большой трудовой семье (у Жженых было 12 детей). Мать актера, Мария Федоровна, женщина удивительной скромности и доброты, одна, не зная усталости, несла на себе все домашние заботы. Когда однажды сын объявил ей, что намеревается стать цирковым акробатом, она только вздохнула и пожелала ему удачи и еще добавила, чтобы берег себя — «большой это риск, сынок». Он проработал на манеже недолго: в 1932 году его, что называется, «с ходу» ангажировали кинематографисты, предложив совсем еще юному артисту цирка одну из главных ролей в картине «Ошибка героя».

Так Жженов пришел в кино.

Впрочем, «пришел в кино» — это, пожалуй, сильно сказано. Кинематографисты (фильм «Ошибка героя» был немым) искали подходящий типаж — проворного и ловкого исполнителя на роль зазнавшегося тракториста Пашки Ветрова, который, как того и требовал сценарий, в финале картины был посрамлен положительным героем, тоже трактористом. Но за первым шагом последовал другой — Жженов поступил на киноактерское отделение Ленинградского театрального училища, в класс, руководимый С. А. Герасимовым, а за ним и третий: актера пригласили сниматься в «Чапаеве»...

ЗДЕСЬ я позволю себе некоторое отступление. Георгий Степанович искренне удивился, когда я спросил его о «Чапаеве», но, заметив мою растерянность (был он в «Чапаеве» или не был?), широко и радостно улыбнулся: «Знаете, а вы, кажется, первый, кто спросил меня о Чапаеве». Так и

сказал — «Чапаев». Голос его едва уловимо дрогнул, он тут же поборол себя и продолжал говорить. Это была настоящая исповедь. Я слушал актера и — услышать такое нечасто выдается в жизни — волновался вместе с ним. А в комнату, где мы расположились, входили, сменяя друг друга, воспоминания. «Сейчас я могу с уверенностью сказать, — говорил актер, — что именно работа в «Чапаеве» под руководством братьев Васильевых открыла всю глубину и прелесть мною избранной профессии. У меня были замечательные партнеры — Бабочкин, Блинов, Певцов, Шкурят. Земной им поклон за науку!».

Мне всегда казалось, что я знаю «Чапаева». Хорошо помнил и легендарный начдив, и Петька, и знаменитая капеллевская атака, и многое другое, но Жженов в картине — хоть убей! — не вспоминался. «В том варианте фильма, который сейчас находится в прокате, мое участие обнаружить трудно. Увы, сохранились два три плана, — Жженов сокрушенно разводил руками. — А пригласили меня Васильевы на роль Терешки, ординарца Фурманова. По первоначальному замыслу в картине разрабатывались параллельно две драматургические линии. Первая — Чапаев и Фурманов, вторая — взаимоотношения их ординарцев, Петьки и Терешки. И, представьте себе, мой Терешка, этот добрейший парень, потомок знаменитых иваново-вознесенских ткачей, ничем и ни в чем не уступал, как помнится, чапаевскому Петьке».

Жженов подошел к окну, постоял молча минуту-другую, а потом вдруг спросил как бы о самом себе: «Нужно же было что-то сокращать в картине? Зато вот фильм получился мировой — пятый десяток шагает по планете...». В 1958 году, вспомнив бравого Терешку, Сергей Дмитриевич Васильев (Г. Н. Васильева уже не было в живых) пригласил Жженова сниматься в картине «В дни Октября», где актер приметно сыграл небольшую роль проводника-финна, переправлявшего В. И. Ленина через границу. Так много лет спустя один из авторов «Чапаева» не только вернул своеобразный долг актеру, но и поддержал его в трудные минуты жизни.

А до этого пролегли сложные годы. По-разному может складываться жизнь. Был он и лесорубом, работал в шахте.

Далеко от Москвы. И все же он вернулся к искусству, взлелеянному горячим сердцем, вернулся, чтобы сказать свое веское и яркое слово. В основе своеобразия творчества Жженова — обаяние простоты. Не той, которая привлекает нас иногда внешним выражением похорожести, а простоты, тающей в себе глубоко пережитое, жизненный опыт, силу народного характера, его идеалов. Именно поэтому так сильна сдержанная и обаятельная личная интонация, природная доброта, наконец, память о тех, кто его любил и кому он безгранично верил в искусстве, — все это постепенно аккумулировалось в нем душевную щедрость, которой он жил все годы и которую сохранил, чтобы отдать людям...

КИНОРЕЖИССЕР Эльдар Рязанов, постановщик фильма «Берегись автомобиля», в котором актер создал незабываемый образ «автоинспектора», писал о Жженове: «Он... человек с обостренным чувством справедливости и очень добрый. Знаете, актер может быть неприятным и несправедливым человеком. И если он очень хороший актер, это иногда удается скрыть от зрителя. «Сыграть» добро и благородство. Но когда перед камерой прекрасный человек, экран излучает неподдельную правду чувства и зритель видит актера, каков он есть на самом деле».

Своим искусством Жженов постоянно исповедует деятельную доброту как высшее проявление человеческой сущности. В фильме «Балтийское небо», например, он показал шофера, совершающего челночные рейсы по знаменитой «Дороге жизни» через Ладогу. Усталость валит человека, он засыпает за рулем, но — идет война! — и дело свое надо делать. Маленькая, смешная и трогательная хитрость: шофер приспосабливает солдатский котелок так, что тот, подобно маятнику, бьет и бьет по затылку, отсчитывая время, не давая уснуть... Или бывший хлебобор Желтых («Третья ракета»), тихий, неторопливый в суждениях сержант, который и в окопе продолжает степенно трудиться, потому что труд для него — способ самовыражения, самая реальная реальность даже на войне... Муромцева из фильма «Человек, которого я люблю», принесшего актеру наи-

большой зрительский успех, Жженов однажды совершенно справедливо сравнил с чеховскими героями, имея в виду его интеллигентность, высокий духовный потенциал. Рядом с Муромцевым можно поставить и педагога Карякина, героя недавно законченного фильма «Ищу мою судьбу», в котором актер сыграл доброго и симпатичного человека, много лет живущего в провинциальном русском городке.

«Актеру необходимо быть последовательным, — Жженов энергично рубит рукой воздух, — и определенно знать свою тему в искусстве, в творчестве... Хорошо помню историю с «Ошибка резидента». Первый вопрос, который я задал режиссеру В. Дорману: «Будет ли продолжение фильма?» Узнав, что будет, я согласился играть Зарокова. Это не каприз. Мне нужно было иметь определенный запас экранного времени, чтобы понять самому и показать, почему мой герой оказался по ту сторону добра, как сын эмигранта становится по-настоящему русским человеком и обретает родину...».

НЕСКОЛЬКО РАЗ вместе с Георгием Степановичем бывал я на встречах с кинозрителями. Он быстро находит общий язык с аудиторией, ибо зрители для актера — живой материал творчества. Он помнит об этом, когда стоит перед съёмочной камерой, когда играет в спектакле в Театре имени Моссовета или встречается с нашим журналистским братом. Всегда подтянутый и открытый, всегда уважительный. Я сказал ему об этом на прощание, он ничего не ответил, крепко, по-мужски пожал руку и уже с порога вернул меня, предложил вместе посмотреть по телевизору фильм «Горячий снег». где он — помните? — был генералом Бессоновым, записавшим со своей армией подступы к Сталинграду... Заглянула жена, прибежала двенадцатилетняя большеглазая Юлька (копия отца), мы удобно расположились у телевизора, и хозяин нажал кнопку...

Ян КУШНИРСКИЙ.